

Джон Уильям Полидори
(1795—1821)

Вампир

Так случилось, что в самый разгар увеселений, неизменно сопутствующих лондонской зиме, на всевозможных приемах, устраиваемых законодателями хорошего тона, стал появляться некий дворянин, более приметный своей эксцентричностью, нежели знатностью. Он наблюдал за весельем, царящим вокруг него, так, словно сам не мог принять в нем участие. Очевидно, беспечный смех представительниц прекрасного пола привлекал его только затем, чтобы одним взглядом заставить его умолкнуть и пробудить страх в сердцах, где доселе царило лишь легкомыслие. Те, кто ощущал этот благоговейный ужас, не смогли бы объяснить его происхождение: некоторые ссылались на взгляд мертвенно-серых глаз, что, остановившись на лице собеседника, словно бы не проникал в душу и не постигал сокровенные движения сердца, но ложился на щеку свинцовым лучом, и, не

в силах преодолеть преграду, давил на нее невыносимой тяжестью. Благодаря эксцентричности помянутого дворянина, его наперебой приглашали во все дома; всем хотелось поглядеть на него, а те, что привыкли к острым ощущениям и теперь страдали от бремени *ennui*, радовались, что появился некто, способный пробудить в них интерес. Несмотря на пепельно-бледный оттенок кожи, — ни румянец стыда, ни игра страстей не имели власти оживить его, хотя черты и абрис лица отличались совершенством формы, — многие охотницы за знаменитостями пытались привлечь его внимание и добиться хоть каких-то проявлений того, что можно было бы считать сердечной склонностью; леди Мерсер, что со времен своего замужества дерзко кокетничала с любым оригиналом, принятым в гостиных, постоянно оказывалась у него на пути и едва ли не вырядилась шутком, чтобы привлечь его внимание — но тщетно: да, он глядел в глаза собеседницы, однако взор его при этом оставался отрешенно-бесстрастным; даже ее вопиющее бесстыдство потерпело крах, и леди Мерсер оставила поле боя. Но хотя искушенная прелюбодейка не могла обратить к себе взгляд этого человека, нельзя сказать, чтобы он оставался вовсе равнодушен к женскому полу: однако с такой осмотрительностью заговаривал он с добродетельной супругой и целомудренной дочерью, что мало кто знал о его беседах с женщинами. Тем не менее, он снижал себе репутацию человека красноречивого; и это ли помогало преодолеть страх перед его странностями, или в пользу его свидетельствовало явное отвращение к пороку, только он столь же часто появлялся в обществе тех дам, что в силу семейных добродетелей составляют гордость своего пола, как и среди тех, что позорят свой пол своим беспутством.

Примерно в то же время в Лондон приехал молодой джентльмен по фамилии Обри: потеряв родителей еще в раннем Детстве, он и его единственная сестра остались

наследниками изрядного состояния. Опекуны предоставили юношу самому себе, полагая, что их долг — лишь позаботиться о его имуществе, а воспитание ума — задачу неизмеримо более юноша развивал в себе скорее воображение, нежели здравый смысл. Отсюда — его обостренно-романтическое чувство чести и справедливости, кои ежедневно губят столько модисток. Обри свято верил, что добродетель чтут все, а порок привнесен в мир Провидением лишь для живописного эффекта, как в романах; он полагал, что нищета хижины сводится только к отличию в одежде; платье бедняка греет не хуже, но, благодаря ассиметричным складкам и разноцветным заплатам больше подходит восприятию художника. Короче говоря, юноша принимал грезы поэтов за реальную действительность. Он был красив, прямодушен, богат; в силу этих причин, едва Обри появился в светских гостиных, матери наперебой принялись расписывать ему своих томных или шаловливых любимиц, состязаясь меж собой в том, кто далее прочих отступит от истины; лица дочерей при его появлении озарялись лучезарными улыбками, а глаза вспыхивали, стоило ему молвить хоть слово, так что юноша вскорости чрезмерно возомнил о своих талантах и заслугах. В часы уединения упиваясь романами, он к изумлению своему обнаружил, что, если не считать сальных и восковых свечей, пламя которых подрагивало отнюдь не в силу присутствия призрака, но в силу отсутствия щипцов для нагара, в реальной жизни не находится места для нагромождения отрадных картин и описаний, коими изобилуют тома, ставшие для него школой жизни. Однако, обретая некоторое утешение в удовлетворении собственного тщеславия, он уже готов был отречься от своих грез, когда необыкновенное существо, описанное нами выше, встретилось ему на пути.

Обри не сводил с него глаз; но как определить характер человека, полностью погруженного в себя, который

не реагировал на внешние предметы иначе, кроме как молча отдавая себе отчет в их существовании, что выражалось в стремлении избежать малейшего соприкосновения? Позволяя воображению изображать что угодно, и поощряя тем самым свою склонность к гротескному и необычному, юноша вскоре превратил сей объект наблюдений в героя романа и теперь следил скорее за порождением собственной фантазии, нежели за человеком из плоти и крови. Обри свел с ним знакомство; осыпал знаками внимания, и вскорости настолько заручился расположением помянутого мизантропа, что тот всегда замечал присутствие юноши. Со временем Обри обнаружил, что финансовое положение лорда Ратвена стеснительно, и, подметив признаки приготовления на ***-стрит, догадался, что тот собирается отправиться в путешествие. Желая узнать больше об этом эксцентричном характере, что до сих пор только подстегивало его любопытство, Обри намекнул опекунам, что пришла пора ему совершить вояж, на протяжении многих поколений почитавшийся совершенно необходимым для того, чтобы юноша стремительно продвинулся в карьере порока, сравнился со старшими и не казался новорожденным младенцем, когда заходит речь о скандальных интрижках, и любовные похождения служат предметом насмешки или восхищения, в зависимости от проявленного искусства. Опекуны согласились; и Обри, помянув о своих намерениях лорду Ратвену, к вящему своему удивлению, получил от его светлости предложение присоединиться к нему. Польщенный этим знаком доверия от того, кто, со всей очевидностью, не имел с другими ничего общего, юноша охотно согласился, и уже спустя несколько дней они пересекли разделяющий пролив.

До сих пор Обри не представлялось возможности изучить характер лорда Ратвена; в пути он обнаружил, что, хотя теперь он может свободнее наблюдать за его действиями, последствия таковых подталкивают к иным вы-

водам, нежели кажущиеся мотивы его поступков. Спутник его отличался неумеренной щедростью: лентяи, бродяги и нищие получали из рук его гораздо больше, нежели было необходимо для удовлетворения насущных потребностей. Но Обри не мог не подметить, что благодеяния его обращались отнюдь не на людей добродетельных, доведенных до нищеты несчастьями, добродетель неизменно преследующими — эти отсылались от дверей едва ли не с насмешкой; когда же являлся распутник и просил не на хлеб насущный, но на то, чтобы и дальше услаждаться похотью или еще сильнее погрязнуть в пороке, ему перепадала обильная благостыня. Обри, однако, объяснял это тем, что назойливая настойчивость негодяев обычно одерживает верх над стыдливой застенчивостью добродетельных бедняков. Но было еще одно обстоятельство, сопряженное с благодеяниями его светлости, что произвело на юношу впечатление еще более неизгладимое: все, воспользовавшиеся его милостью, неизбежно обнаруживали, что на ней лежит проклятие, ибо всех она либо приводила на эшафот, либо ввергала в бездны еще более беспросветной нищеты. В Брюсселе и других городах, через которые друзья проезжали, Обри удивлялся, видя, с каким жадным нетерпением спутник его стремился в обители всех модных пороков: он в совершенстве постиг все тонкости игры в фараон, он делал ставки — и с неизменным успехом, разве что противник его был известным шулером, а тогда его светлость терял больше, чем выигрывал, но всегда с тем же непроницаемым лицом, с которым обычно наблюдал за окружающими его людьми. Однако не так встречал он опрометчивого юнца или злосчастного отца семейства: тогда малейшее его желание словно бы становилось законом для судьбы — апатичная отрешенность исчезала, глаза вспыхивали огнем более ярким, нежели у кошки, играющей с полузадушенной мышью. В каждом городе, после отъезда лорда Ратвена, еще недавно богатый юно-

ша, исторгнутый из круга, украшением которого он некогда являлся, в безмолвии подземелья проклинал судьбу, свергнув его во власть этого демона; в то время как многие отцы, обезумев от горя, ощущали на себе умоляющие взгляды голодных детей, не имея за душою и единого фартинга некогда баснословного богатства, посредством которого возможно было бы облегчить нынешние страдания. Впрочем, с игорного стола лорд Ратвен денег не брал, но тут же снова терял, в пользу погубителя многих, последний гульден, только что вырванный из судорожно сжатой руки невинного; то могло быть лишь следствием известного рода интуиции, что, однако, уступала коварству более опытных игроков. Обри то и дело собирался открыть другу глаза и умолять его отказаться от благотворительности и развлечения, что оборачиваются гибелью для многих, и самому ему выгоды не приносят; однако он все откладывал — каждый день юноша уповал на то, что друг даст ему возможность высказаться открыто и начистоту; однако, удобного случая так и не представилось. В экипаже ли, на фоне ли великолепных и живописных пейзажей, лорд Ратвен оставался тем же: взор его говорил еще меньше, чем уста; и хотя Обри находился рядом с предметом своего любопытства, сгорая от тщетного нетерпения, он так и не приблизился к разгадке тайны, что в его восторженном воображении принимала сверхъестественные очертания.

Вскоро они прибыли в Рим, и на какое-то время Обри потерял своего спутника из виду; он оставил его ежедневно посещать утренний кружок некоей итальянской графини, а сам отправился изучать руины другого, почти обезлюдевшего города. Пока юноша предавался этому занятию, из Лондона прибыли письма, кои он вскрыл с радостным нетерпением: первое оказалось от сестры и дышало любовью от первой строчки и до последней; прочие были от опекунов, и изрядно его удивили; ежели и прежде молодому человеку приходило в го-

лову, что спутник его наделен злой силой, письма давали ему достаточно поводов укрепиться в этом мнении. Опекуны настаивали, чтобы юноша немедленно расстался со своим другом, и убеждали, что характер того до отращения порочен, а неодолимое обаяние соблазнителья, противиться которому никто не в силах, делает тем опаснее для общества его развратные поползновения. Обнаружилось, что презрение его к прелюбодейке проистекало не от неприязни к распущенности; нет, для полного удовольствия лорду Ратвену требовалось, чтобы его жертва и соучастница в преступлении пала с вершин незамутненной добродетели в самые бездны позора и беславия; короче говоря, все женщины, общения с которыми он искал, как представлялось, в силу их безупречной нравственности, с момента его отъезда сбросили маску притворства и, не колеблясь, представили свои грехи, во всем их вопиющем безобразии, на суд общества.

Обри твердо решил покинуть того, в чьем характере до сих пор не обнаружилось ни одного светлого пятна, на коем мог бы отдохнуть взгляд. Юноша вознамерился измыслить какой-нибудь благовидный предлог для того, чтобы расстаться с лордом Ратвеном навсегда, а до той поры наблюдать за ним еще пристальнее, не упуская из виду даже самой мельчайшей подробности. Он вошел в тот же круг и вскорости заметил, что его светлость старается воспользоваться неопытностью дочери некоей леди, чей дом он посещал наиболее часто. В Италии нечасто случается, чтобы незамужняя девушка появлялась в обществе, так что лорду Ратвену приходилось вынашивать свой план в секрете; однако взор Обри следил за всеми его хитросплетениями и вскоре обнаружил, что назначено тайное свидание, которое, скорее всего, обернется гибелью для невинной, хотя и безрассудной девушки. Не теряя времени, он явился в апартаменты лорда Ратвена и резко спросил, каковы его намерения касательно по-

мянутой леди, одновременно поставив его светлость в известность, что он знает о назначенной на вечер встрече. Лорд Ратвен отвечал, что намерения его таковы, какие, по его убеждению, имел бы каждый в подобном же случае; и в ответ на настойчивые расспросы, намерен ли он жениться на девушке, расхохотался во все горло. Обри ушел; немедленно написал записку, объявляя, что с этого момента вынужден отказаться сопровождать лорда Ратвена на протяжении оставшейся части пути; приказал слуге подыскать другую квартиру и, навестив мать юной леди, сообщил обо всем, что знал сам — не только касательно ее дочери, но и касательно репутации его светлости.

Тайное свидание предотвратили. На следующий день лорд Ратвен прислал слугу известить о своем безоговорочном согласии расстаться, но даже не намекнул о своих подозрениях касательно того, что планы его разрушило вмешательство Обри.

Покинув Рим, Обри направил стопы свои в Грецию, пересек полуостров и вскорости оказался в Афинах. Там он поселился в доме одного грека и принялся за изучение поблекшей летописи древней славы на монументах, что, очевидно, устыдившись того, что увековечивают деяния свободных людей только после деяний рабов, укрылись под слоем земли или многоцветного лишайника. Под тем же кровом обитало создание столь прекрасное и хрупкое, что она могла бы послужить моделью для художника, желающего запечатлеть на полотне обещанную надежду правоверных в магометанском раю, вот только в глазах ее слишком отчетливо светила мысль для того, чтобы счесть, что она принадлежит к существам, лишенным души. Когда она танцевала на лугу или легко сбегала по горному склону, сравнение с газелью не воздало бы должного ее очарованию, ибо кто променял бы этот взгляд, взгляд одухотворенной природы, на сонный, томный взгляд животного, лстящий разве что вкусу эпикурейца!

Нежная Ианта часто сопровождала Обри в его поисках памятников древности, и зачастую ничего не подозревающая девушка, догоняя кашмирскую бабочку и словно летя на крыльях ветра, дивным видением представляла восторженному взгляду того, кто забывал о только что расшифрованных письменах на полустертой табличке, залюбовавшись юной сильфидой. Часто, когда она порхала вокруг, распущенные ее волосы вспыхивали и мерцали в лучах солнца переливами столь изысканно-золотистых и быстро сменяющихся оттенков, что вполне могло бы извинить рассеянность антиквара, отвлекшегося от того самого предмета, который еще недавно представлялся ему существенно важным для правильной интерпретации отрывка из Павсания. Но зачем пытаться описать прелести, что все мы воспринимаем, но не ценим? То были невинность, юность и красота, нетронутые тлетворным влиянием многолюдных приемов и душных балов. Пока юноша срисовывал руины, что желал увековечить для будущего, Ианта, бывало, стояла рядом, наблюдая за волшебным эффектом карандаша, воспроизводящего пейзажи ее родины; потом она описывала ему круговые танцы на открытых луговинах, изображала в сверкающих красках юного воображения торжественную свадебную церемонию, что видела как-то в детстве, и затем, обращаясь к предметам, что, очевидно, произвели на ее ум впечатление куда более глубокое, пересказывала спутнику волшебные предания няни. Серьезность девушки и очевидная вера в то, о чем шла речь, вызвали интерес даже у Обри; и часто, когда Ианта бралась повесть ему легенду о вампире, что проводит немало лет в окружении друзей и близких, вынужденный каждый год насыщаться жизнью прелестной девы, чтобы продлить собственную на последующие месяцы, кровь стыла у юноши в жилах, в то время как он насмешками тщился избавить собеседницу от фантазий вздорных и

жутких. Однако Ианта называла ему имена стариков, которые со временем обнаруживали вампира в своем кругу, после того как несколько ближайших их родичей и детей бывали найдены с отметиной плотоядных посягательств чудовища; убедившись, что Обри стоек в своем вольнодумстве, девушка принялась умолять гостя поверить ее словам, ибо подмечено: те, что дерзают поставить под сомнение существование вампира, неизменно получают доказательство, вынуждающее их, в муках и с разбитым сердцем, признать истинность старинного предания. Ианта в подробностях описала юноше, как выглядят чудовища, и вообразите себе ужас Обри, когда он услышал достаточно точное описание лорда Ратвена; однако же, он продолжал убеждать собеседницу в том, что страхи ее беспочвенны, в то же время изумляясь множеству совпадений, что словно бы подкрепляли веру в сверхъестественные способности его светлости.

Обри все больше и больше привязывался к Ианте; невинность девушки, столь непохожая на показную добродетель женщин, в кругу которых он искал свой прекрасный идеал, завоевала его сердце; и хотя мысль о женитьбе молодого английского джентльмена на необразованной гречанке казалась ему нелепой, он все-таки все больше и больше влюблялся в прелестное, словно фея, создание. Несколько раз он заставлял себя отдалиться от девушки и, наметив себе план антикварных изысканий, отправлялся в путь, твердо намереваясь не возвращаться, пока не достигнет цели; но каждый раз убеждался, что не в состоянии сосредоточиться на руинах, пока в мыслях его царит образ, представляющийся единственным законным властителем его дум. Ианта не догадывалась о любви гостя: бесхитрое дитя ничуть не изменилось со времен первой встречи. Расставалась она с Обри неохотно, но лишь потому, что, пока спутник ее и покровитель зарисовывал либо очищал какой-либо фрагмент,

избежавший разрушительной длани времени, девушке не с кем было посещать любимые уголки. Что до Вампиров, тут Ианта воззвала к авторитету родителей, и оба они, равно как и несколько присутствующих тут же соседей, подтвердили существование чудовищ, бледнея от ужаса при одном о них упоминании. Вскоро после того Обри вознамерился отправиться на очередную экскурсию, что должна была занять несколько часов; услышав название места, хозяева тут же принялись заклинать юношу не возвращаться ночью, потому что проезжать предстояло через лес, где ни один грек ни за что не задержался бы после наступления темноты. Они уверяли, что Вампиры собираются в чащу на ночные оргии, и что самые ужасные несчастья обрушатся на голову того, кто осмелится встать на дороге у чудовищ. Обри отнесся к рассказам легкомысленно и принялся было потешаться над глупым суеверием, надеясь тем самым выставить его в нелепом свете; но увидев, что хозяева содрогнулись, почитая непростительной дерзостью издевки над сверхъестественными, inferнальными силами, от одного упоминания о которых кровь стыла у них в жилах, юноша умолк.

На следующее утро Обри собрался в путь; никто его не сопровождал. С удивлением подметил юноша скорбное выражение на лице хозяина и растрогался, обнаружив, что его насмешки над верой в жутких демонов, внушили добрым людям такой страх. Он уже собирался отбыть, когда Ианта подошла к коню и принялась умолять юношу вернуться до того, как с наступлением ночи могущество жутких тварей несказанно возрастет — он обещал. Однако Обри настолько увлекся своими изысканиями, что не заметил, как день стал клониться к концу и у горизонта возникло то самое темное пятнышко, которое в теплом климате стремительно вырастает до грандиозных размеров и обрушивает всю свою ярость на обреченную землю.